

УДК 316.347

Барбашин Максим Юрьевич

кандидат социологических наук, зав. сектором этносоциологии Южнороссийского филиала Учреждения Российской Академии Наук ИС РАН (ЮРФИС РАН)
тел.: (905) 478-93-51

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ НЕОИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ПОДХОДА В СОВРЕМЕННЫХ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В статье анализируются основные методологические и концептуальные возможности, которые предоставляет неoinституционализм для изучения этносоциальных процессов в современном мире. Рассматривая социологическую историю формирования неoinституционализма в социальных науках, автор подчеркивает большой методологический и эвристический потенциал этого подхода в изучении этногенеза и этноконфликтов.

Ключевые слова: этносоциология, методология, этничность, метод, идентичность.

Barbashin Maksim Yurievich

PhD in Sociology, Head of Ethnic Sociology Sector of South Russian Affiliated Branch of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences
tel.: (905) 478-93-51

METHODOLOGICAL AND CONCEPTUAL OPPORTUNITIES OF NEO-INSTITUTIONAL APPROACH IN CONTEMPORARY ETHNIC SOCIAL STUDIES

In the article the main methodological and conceptual opportunities which the Neo-institutionalism provides for contemporary ethnic social studies in the modern world are analyzed. Considering the sociological history of the Neo-institutionalism formation in social sciences the author emphasizes the main methodological and heuristic potential of the approach in ethnogenesis and ethnic conflict studies.

Key words: ethnic sociology, methodology, ethnicity, method, identity.

Неoinституционализм – это совместное порождение социологической и социально-психологической мысли послепарсонсовского периода в развитии западных социальных наук и математического аппарата теории игр, адаптированного экономистами в 1930-1950-е гг. для анализа рациональности в обществе.

Неoinституционалисты традиционно подчеркивают роль нематериальных факторов в социальных процессах. Отрицая этику прогрессизма и свободного развития в ценностном плане, это социологическое направление основывается на предположении, что общество состоит из рациональных интеракций, происходящих в институциональном контексте и образующих зоны «локальной уверенности».

В разработке неoinституциональной методологии одним из лидирующих направлений является «Блумингтонская школа» лауреата Нобелевской премии в области экономики за 2009 г. Э. Остром [1, с. 95-96] и ее сотрудников и учеников (М. МакГиннес [2], В. Остром [3, с. 193-202], Э. Поти [4, с. 57-79], А. Соейер [5, с. 230-45], Дж. Уолкер [6, с. 404-17] и др.).

Придерживаясь утилитаристского стремления использовать достижения социальных наук на пользу общества, неoinституционалисты применяют глубинные описательные методы, которые можно назвать социально-статистическими. Используя финансовую поддержку основных американских фондов, Э. Остром и ее коллеги провели большое количество исследований «case study» [7, с. 2624-33].

Проанализировав множество неурегулированных социально-экологических конфликтов в государствах Азии, Африки, Латинской Америки, неoinституционалисты конкретизировали ключевую социальную ситуацию, в которой члены сообщества не могут договориться по поводу эффективного использования общего ресурса: леса, реки, побережья, колодца и т.п. Ее критичность определялась отсутствием социального доверия, слабостью горизонтальных межличностных контактов, неэффективностью внутреннего мониторинга, с одной стороны, и рационализацией ресурсоориентированного поведения социальных агентов, с другой.

Индивидуальный эгоизм социальных агентов и их нежелание и/или неготовность совместно заботиться об имплицитно принадлежащей им собственности сопровождаются деградацией социально-природных систем и ростом социально-психологической аномии. В терминах теории игр результатом становится «равновесие Нэша»: пока единственной мотивацией игроков является эгоизм, они не прекратят экстенсивное использование общих ресурсов до их полного разрушения или истощения [8, с. 1283-308].

Неoinституционалисты отказались от индивидуального солипсизма: поскольку в некоторых сообществах социальные агенты все-таки смогли договориться по поводу охраны, мониторинга и передачи друг другу индивидуальных прав на использование общих ресурсов, проблема заключается не в социальных действиях или эгоистичном отношении отдельных индивидов. Сложности носят структурный характер: необходимые институты или не побуждают социальных агентов сле-

дить за общей собственностью, или вообще отсутствуют, что провоцирует оппортунистское поведение даже у первоначально экологически и альтруистически ориентированных индивидов.

В случае невозможности разграничения прав социальных агентов на общий ресурс очевидным выходом, предлагаемым экономической наукой, является приватизация. Либеральные экономисты исходят из преимущества рынка над любой нерыночной формой организации экономических отношений, и указывают, что необходимо на законодательном уровне определить права собственности [9]. Дальше собственник устанавливает правила использования ресурса для потребителей, находясь под государственным антимонопольным, потребительским, санитарным и техническим контролем.

Собственник должен за счет ренты, извлекаемой из ресурса, обеспечить его сохранность. Однако в традиционных социумах фактически отсутствует доступ к современной правовой, страховой, банковской или финансовой инфраструктуре. Низкая степень монетизированности традиционной экономики, ее социокультурная погруженность в бартерные и неформальные отношения патримониального характера не позволяют четко зафиксировать институты частной собственности в общественных отношениях.

Подчеркивая значимость правил взаимодействия между социальными агентами, неоинституционалисты указывают, во-первых, институты концептуализируются в основном как наборы позитивных (побуждения) и негативных (правил) мотиваций для индивидов, при этом динамику поведения в рамках этих моделей обеспечивает индивидуальная максимизация полезности [10, с. 45].

Во-вторых, как утверждает неоинституционализм, институты, понимаемые как используемые правила, потенциально могут смягчить социальные дилеммы, которые мешают коллективным действиям.... Институты аналогичны правилам игры в конкурирующем командном спорте. То есть, институты состоят из формальных письменных правил, а также наиболее типичных неписьменных кодов поведения, которые поддерживают и дополняют формальные правила [11, с. 89-90].

Э. Остром и ее коллеги сделали следующий вывод: не допустить ситуации экстенсивного и бесконтрольного использования природных ресурсов и связанных с этим распадом социальных связей внутри сообщества может определенная конфигурация институциональных отношений. Она включает определенные институты, которые неоинституционалисты [12, с. 137-174] называют правилами входа и выхода, процедурными и информационными правилами, правилами мониторинга с соответствующим наказанием виновных в их несоблюдении.

Только плотная институциональная сеть может не допустить или, как минимум, смягчить негативные социальные и экологические последствия трагедии «общих выпасов». Это понятие означает агрегированную совокупность ситуаций, когда индивидуальное эгоистичное поведение приводит к разрушению самого пространства, в котором индивидуальный эгоизм возможен.

Неоинституционализм стал попыткой отрефлексированного социологического ответа на вопрос – как удержать социальную и экологическую ситуацию в традиционных сообществах в стабильности в условиях общественного неравновесия, не прибегая к дискредитировавшим себя политическим и экономическим инструментам приватизации, монетизации и пр.

Определив рамочную методологическую конструкцию и апробировав ее на социально-экологических процессах, исследователи постепенно расширили предметное поле неоинституционального интереса. Как «общий ресурс», который для сохранения нуждается в институциональном регулировании, социологи стали анализировать знание [13], глобальные климатические изменения [14, с. 27-36], социальные идеи и артефакты [15, с. 111-45] и пр. Однако методологические возможности по использованию неоинституционального подхода в этносоциальных исследованиях по-прежнему остаются нераскрытыми [16, с. 110-117].

Неоинституциональное понимание этноидентичности подразумевает ее рассмотрение как «общего ресурса», к анализу которого можно применять принципы изоморфизма, сформированные в соответствии с реалистическими моделями социальной экологии и социологии институтов.

Изоморфизм – это исторический результат институциональной адаптации. Правила, которые в ходе многочисленных интерпретаций обретают привычный для общества нормативный вид и культурно одобряемую форму, получают общественную поддержку. Такие правила проще передаются следующим поколениям по сравнению с институтами, противоречащими предыдущему социальному опыту и генерационная трансмиссия которых затруднена.

Институциональный изоморфизм схож с используемым Ж. Делезом [17] понятием «кальки», т.е. воспроизводством одних пространственных паттернов и симметрий в разных социальных структурах. Он означает структурную эквивалентность институциональных элементов, занимающих схожие позиции в социальной структуре, они «схожи в той степени, в какой обладают схожим паттерном отношений с теми, кто занимает другие позиции» [18, с. 183].

Изоморфность не зависит от культурной, политической или исторической специфики общества. В этносоциальной сфере она предполагает, что институты этничности одной этногруппы по-

хожи на институты этничности другой группы больше, чем, к примеру, на институты управления в том же социальном пространстве, в котором действует этнос.

По мнению Ч. Тилли, «репертуар коллективных действий, имеющийся у людей, удивительно ограничен», а институты принимают «четко структурированные формы, знакомые участникам» [19, с. 151]. Новые институты структурируются так, чтобы соответствовать бихевиоральным стандартам привычным для других этногрупп. Во многом выживание этногруппы зависит от ее способности обеспечить институциональный изоморфизм в соответствии с действующим изоморфическим давлением.

Применение неоинституционального подхода в анализе этносоциальных процессов предполагает необходимость использования методологических достижений теории рационального выбора. Эта теория, будучи в целом независимым междисциплинарным направлением, изучает рациональные микрооснования институтов, т.е. процессы «акторной максимизации», представляющие собой «источник дедуктивной силы теории рационального выбора» [20, с. 309-35], посредством которых институты конструируются социальными агентами для поддержания социального равновесия.

Как заметил Дж. Бьюкенен [21], анализ институциональной системы необходимо начинать с предположений, какие социальные стратегии выберут индивиды, которые расчетливы, разумны, логичны, эгоистичны и действия которых носят рациональный характер.

Теория рационального выбора основывается на методологических предпосылках индивидуализма эпохи Просвещения, предполагающих, что индивидуальный агент является «элементарным» кирпичиком. Другие положения теории рационального выбора состоят в том, что индивиды действуют так, чтобы получить максимальную выгоду при минимально затраченных усилиях, постоянно подсчитывая издержки и преимущества, стремясь справиться с проблемой «эндогенных предпочтений» и учитывая «непредвиденные и спонтанные» последствия своих действий. Это так называемый «оптимум социального поведения». Индивиды не обязательно его достигают, но стремятся «занять позицию как репрезентативные участники в последовательности ожидаемых коллективных выборов. Поэтому они могут эгоистично действовать, как если бы выбрали правила для социальной группы» [22, с. 93].

Сторонники теории рационального выбора изучают модели «ситуаций», которые включает в себя социальные институты, поведение, соответствующее правилам, а также «ситуации, в которых наблюдаемое поведение отличается от того, что предсказывает общая теория» [23, с. 374].

Согласно этой теории, этноидентификация – это «репертуарную роль», которую сознательно рассчитали заинтересованные индивиды или группа [24, с. 137]. Она помогает успешно преодолеть «проблему безбилетника», связанную с неучастием людей в массовых движениях и коллективных действиях и подразумевающую отсутствие справедливого и честного распределения внутригрупповых функций.

Источником стратегического безразличия широких слоев населения по отношению к инлокальному участию является отсутствие «восприятия важных последствий, которые проецируются за пределы людей и ассоциаций, непосредственно создающих их» [25, с. 39].

Общественное безразличие часто вознаграждается. Рациональный индивид предпочитает не нести бремя расходов для поддержания группы даже с благородной целью в обстоятельствах, когда его вклад в результат незначителен, и когда он сможет воспользоваться будущими благами, не прилагая особых усилий. Он будет «зайцем», едущим за счет других [26].

Поскольку в социальных дилеммах велико желание воспользоваться результатами чужого участия, рациональный индивид, удовлетворяющий эгоистические потребности, предпочитает избегать действий с нечетким будущим результатом и «отсроченным вознаграждением», особенно, если они требуют значительных затрат времени и ресурсов.

Преодоление «проблемы безбилетника» обычно связывают с повышением стоимости входа и выхода, созданием институтов простого и привилегированного внутригруппового членства, формальной социализации и легитимного лидерства.

Создавая из социальной ситуации, в которой индивиды действуют независимо друг от друга, ситуацию, в которой они выбирают скоординированные стратегии, чтобы получить общее блага или уменьшают общий вред [27, с. 12], высокая стоимость входа в сообщество обеспечивает позитивную внутригрупповую идентичность. Она отсеивает тех, у кого слабая приверженность общим целям или кто желает бесплатно воспользоваться коллективными благами.

Социальные дилеммы воплощают в себе разрыв между непосредственными и эгоистичными рациональными действиями, которые обеспечивают человеку набор требуемых благ и преимуществ, и стратегическими индивиду с «отложенным вознаграждением», имплементируемыми для сохранения групповой идентичности. Эти дилеммы описывают потенциальный внутригрупповой конфликт между индивидуальным и общим интересом. Они «... возникают тогда, когда люди сталкиваются с альтернативными возможностями действий между краткосрочным выбором в свою пользу и тем, который, если

его выберет большая часть группы, принесет пользу всем» [28, с. 582-600].

Структурная неразрешенность социальных дилемм служит причиной перманентного дизайна и редизайна новых институтов. Институт – это «субъект той самой проблемы побуждений, которую он должен решить» [29, с. 395].

Социальные дилеммы изучаются в рамках теории коллективных действий, которая исходит в методологических основаниях из признания факта значимости «коллективных решений... для определения, принуждения, продолжения, или изменения действий, санкционированных институциональными соглашениями. Как и индивидуальные стратегии, коллективные решения – это планы будущих действий. Но в отличие от индивидуальных стратегий, коллективные решения навязываются на несогласных с ними индивидов» [30, с. 45-46].

Первое поколение теорий коллективных действий, разработанных в 1940-1950-е гг. в рамках структурного функционализма, критиковались американскими социологами за аксиологическую наивность и веру в спонтанное объединение социальных агентов для реализации общих целей. Хотя функционалистские предпосылки не являются абсолютно неправильными, с их помощью можно описать только ограниченное количество этносоциальных процессов. «В центре теорий первого поколения лежат представления о человеке как эгоистичном, атомизированном и полностью рациональном. В реальности люди не живут в атомизированном мире. Многие проблемы коллективных действий встроены в уже существующие сети, организации или другие длительные отношения между людьми. Во-вторых, предпосылка универсального эгоизма постоянно не подтверждалась полевыми и экспериментальными эмпирическими исследованиями ... [поскольку] многие люди принимают во внимание также интересы других» [31, с. 334-52].

В последующих теориях в 1970-1980-е гг. уже подчеркивалась социальная роль и институциональные возможности «общественных предпринимателей». Они стремятся к извлечению «политической прибыли», увеличению собственной дистрибутивной доли и манипулированию существующими правилами в свою пользу. Пересмотр методологических установок «первых» вариаций теорий коллективных действий подразумевает методологическую критику структурализма и постструктурализма, в которых индивидуальный субъект не рассматривается как значимый фактор, а также эссенциализма, где социальные агенты действуют в соответствии с объективными историческими потребностями и факторами.

Теории коллективных действий второго поколения методологически стали более усложненными, включающими в себя математическую многоуровневость [32, с. 539-46] и шумпетерианский эволюционизм [33, с. 13-29]. Не решенными в них остаются, во-первых, вопросы определения коллективных дилемм и общих ресурсов. Эти понятия стали расширенными. Во-вторых, проблема устойчивости институтов. Во внимание редко принимается тот факт, что институты являются объектом политической и социальной борьбы и соперничества. Третья не решенная проблема – это трансформация институтов и их распад.

В анализе этносоциальных процессов неоинституционализм выглядит перспективным. Однако цели современных неоинституциональных исследований заключены между Сциллой традиционных задач позитивистской науки и Харибдой недостаточности подходов коллективных действий и рационального выбора, встроены в методологическое поле неоинституционализма. Для неоинституционального поворота в социологическом изучении этносоциальных процессов требуются новые «эпистемологические манифестации», лучше соответствующие современным задачам, а также четкое представление о том, как именно получать институциональное знание и как должен выглядеть желаемый результат, в том числе, какой аудитории и в каком виде он должен быть представлен.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Aligica P.D.* Elinor Ostrom – Nobel prize in Economics 2009 // *Economic Affairs*. 2010. № 30(1).
2. *McGinnis M.* Polycentric Games and Institutions: Readings from the Workshop in Political Theory and Policy Analysis. Ann Arbor, 2000.
3. *Toonen T.* Resilience in Public Administration: the Work of Elinor and Vincent Ostrom // *Public Administration Review*. 2010. № 70(2).
4. *Poteete A.* Analyzing the Politics of Natural Resources: From theory of property Rights to Institutional Analysis and Beyond // *Environmental Social Sciences: methods and Research Design*, ed. Ismael Vaccaro, Eric Smith, and Shankar Aswani. New York, 2010.
5. *Sawyer A.* Social Capital, Survival Strategies, and Their Potential for Post-Conflict Governance in Liberia // *Guha-Khasnobis B., Kanbur R., Ostrom E.* Linking the Formal and Informal Economy: Concepts and Policies. Oxford, 2006.
6. *Ostrom E., Walker J. and Gardner R.* Covenants with and without a Sword: Self-Governance is Possible // *American Political Science Review*. 1992. № 86(2).
7. *Ahn T.K., Ostrom E. and Walker J.* A Common-Pool Resource Experiment with Postgraduate Subjects from 41 Countries // *Ecological Economics*. 2010. № 69(12).
8. *Myerson R.B.* Nash Equilibrium and the History of Economic Theory // *Journal of Political Economy*. 1999. № 81.

9. *De Como Э.* Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире. М., 2004.
10. *Peters B.G.* Institutional Theory in Political Science: The «New Institutionalism». London, 1999.
11. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.
12. *Crawford S.E.S. and E. Ostrom.* A Grammar of Institutions // Understanding Institutional Diversity ed. Elinor Ostrom. Princeton, 2005.
13. *Hess C. and Ostrom E. eds.* Understanding Knowledge as a Commons: From Theory to Practice. MIT Press, 2007.
14. *Ostrom E.* A Multi-Scale Approach to Coping with Climate Change and other Collective Action problems // Solutions. 2010. № 1(2).
15. *Hess C. and Ostrom E.* Ideas, Artifacts and Facilities: Information as a Common-Pool Resources // Law and Contemporary Problems. 2003. 66(1&2).
16. *Барбашин М.Ю.* Неинституциональная концепция этничности в контексте основных направлений современной этнологии // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 12.
17. *Делез Ж.* Критика и клиника. СПб., 2002.
18. *Powell W.W.* Expanding the scope of institutional analysis // The New Institutionalism in Organizational Analysis / ed. by W.W. Powell and P.J. DiMaggio. Chicago, 1991.
19. *Tilly C.* From Mobilization to Revolution. Reading, MA, 1978.
20. *Coleman J.* Social Theory, Social Research, and a Theory of Action // American Journal of Sociology. 1986. № 91(1).
21. *Buchanan J.* Cost and Choice: An Inquiry in Economic Theory. Indianapolis, 1999.
22. *Buchanan J.* Natural and Artificial Man // Brennan H.G., Tollison R.D. eds. What Should Economists Do? Indianapolis, 1979.
23. *Thelen T.* Historical institutionalism in comparative politics // American Review of Political Science. 1999. № 2.
24. *Скворцов Н.Г.* Социальная природа этничности: социологический и социально-антропологический аспекты: дис. ... д-ра социол. наук. СПб., 1997.
25. *Dewey J.* The Public and its Problems. Chicago, 1946.
26. *Олсон М.* Логика коллективных действий // Общественные блага и теория групп. М., 1995.
27. *Ostrom E.* Converting Threats into Opportunities. The 2005 James Madison Award Lecture // PS: Political Science and Politics. 2006. № 39(1).
28. *Crawford S.E.S. and Ostrom E.* A Grammar of Institutions // American Political Science Review. 1995. № 89, 3.
29. *Bates R.H.* Contra Contractarianism: Some Reflections on the New Institutionalism // Politics and Society. 1988. № 16.
30. *Ostrom E.* Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action. Cambridge, 2003.
31. *Frey B.S.* How Intrinsic Motivation is Crowded Out and In // Rationality and Society. 1994. № 6.
32. *Van laerhoven F.* Governing Community Forests and the Challenge of Solving Two-level Collective Action Dilemmas – a Large-N Perspective // Global Environmental Change. 2010. № 20(3).
33. *Kuhnert S.* An Evolutionary Theory of Collective Action: Schumpeterian Entrepreneurship for the Common Good // Constitutional Political Economy, 2001. № 12.